

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ BILATERAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-663-674

Научная статья

Военно-политическое измерение отношений Германии и Саудовской Аравии на современном этапе

Ф.О. ТруновИнститут общественной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН,
Москва, Российская Федерация*Research article*

Bilateral Relations between Germany and Saudi Arabia: Military-Political Dimension

Ph.O. TrunovInstitute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(INION RAS), Moscow, Russian Federation

Германия представляет собой пример державы, последовательно стремящейся к увеличению своей роли на мировой арене, в том числе в решении широкого круга военно-политических проблем. При этом в 2010-е гг. наблюдается существенный рост числа угроз безопасности самой ФРГ, исходящих из нестабильных государств Азии и Африки. В этой связи существенно возрастает внимание Германии к ближневосточному направлению, что влечет за собой поиск новых и укрепление связей с уже имеющимися партнерами в регионе. Задача данной статьи — исследовать динамику, проблемы и перспективы отношений Германии и Саудовской Аравии в военно-политической области в 2010-е гг. Традиционно официальный Эр-Рияд имел разветвленные контакты как с «коллективным» Западом в целом, так и с ФРГ в частности. Основным методом исследования избран инвент-анализ.

В статье рассматриваются особенности отношений Германии и официального Эр-Рияда на современном этапе. Показывается взаимная заинтересованность в расширении и углублении кооперации в условиях «Арабского пробуждения», в том числе по решению сирийской проблемы. Основное внимание уделяется растущим расхождениям сторон по урегулированию вооруженного конфликта в Йемене в контексте общего противостояния Королевства Саудовская Аравия (КСА) и Исламской Республики Иран (ИРИ).

Отслеживается динамика двусторонних переговоров ФРГ и КСА на высшем и высоком уровнях в середине 2010-х гг. В этой связи отмечаются рост частоты спадов (в связи с казнью шиитских проповедников в КСА, дипломатическим кризисом вокруг Катара и убийством Дж. Хашогги) в германо-саудовских отношениях в 2016—2018 гг. Показывается, что после заключения «ядерной сделки» между «шестеркой» посредников и Ираном (2015) Германия все более склонялась к тактике «балансирования» между официальным Тегераном и Саудовской Аравией, при этом подчеркивая неприемлемость прямого военного конфликта между ними. На фоне выхода США из «ядерной сделки» исследуется ужесточение давления ФРГ на КСА как в военно-технической, так и в общеполитической сферах с целью вывода группировки саудовских войск из Йемена.

Делается вывод о политизации двустороннего военно-технического сотрудничества и резком увеличении значения фактора Ирана в германо-саудовских отношениях. Очерчиваются перспективы их развития в зависимости от перспективной динамики противостояния КСА и ИРИ с выделением трех сценариев развития их отношений.

Ключевые слова: Германия, Саудовская Аравия, Иран, военный экспорт, вооруженный конфликт в Йемене, дипломатия

© Трунов Ф.О., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Трунов Ф.О. Военно-политическое измерение отношений Германии и Саудовской Аравии на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 663—674. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-663-674

Abstract. Germany is an example of power, which is consistently trying to increase its role in global politics, including more active part in the solution of a wide range of military-political questions. At the same time Germany is facing the growing number of challenges for its own security, coming mostly from unstable Asian and African states. This makes Germany pay more attention on the Middle East in searching of new and strengthening traditional links with the regional partners. In this regard the article covers the dynamics, problems and perspectives of the bilateral interactions between Germany and Saudi Arabia in political-military sphere during the 2010s. Traditionally Saudi Arabia was one of the key partners of the ‘collective West’ in the Middle East and has had rather good relations with Germany. The key research method used in the article is the event-analysis.

The research paper profoundly investigates the relations between Germany and Saudi Arabia during the first half of the 2010s. The article stresses the mutual interest in expanding and deepening cooperation in the context of the “Arab awakening”, including the solution of the Syrian problem. The key focus is paid to the growing discrepancies in positions of two parts regarding the Yemen conflict resolution in the context of confrontation between Saudi Arabia and Iran.

The article also describes the dynamics of negotiations between Germany and Saudi Arabia on the highest and high levels in the middle 2010s. The paper points out the growing recession periods in German-Saudi relations in 2016—2017 (taken into account the execution of Shiite preachers in KSA; Qatar diplomatic crises and the assassination of J. Khashoggi). After the signature and implementation of the Iranian ‘nuclear deal’ Germany has been increasingly inclined towards the tactics of “balancing” between Iran and Saudi Arabia. And in this regard has emphasized the unacceptability of a direct military conflict between them. After Trump’s administration withdrawal from Iranian nuclear deal the article stresses the tougher German pressure on Saudi Arabia both in military-technical cooperation and political spheres in order to assure the withdrawal of Saudi Arabian military forces from Yemen.

In the conclusion the author specifies the politicization of the bilateral military-technical cooperation and the sharp increase of the influence of Iranian factor over the German—Saudi relations. Three scenarios of future development of the confrontation between two states are proposed. Depending on each of them, the prospects for the development of German—Saudi relations are defined.

Key words: Germany, Saudi Arabia, Iran, military export, Yemen armed conflict, diplomacy

For citation: Trunov, Ph.O. (2019). Bilateral Relations between Germany and Saudi Arabia: Military-Political Dimension. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 663—674. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-663-674

С момента объединения (1990 г.) ФРГ продемонстрировала в целом восходящую динамику укрепления своего влияния на мировой арене, постепенно двигаясь к положению полновесного глобального игрока. В связи с этим применительно к азиатскому и африканскому направлениям показательно расширение спектра используемого Германией внешнеполитического инструментария. Если в годы холодной войны Боннская республика ограничивалась применением исключительно экономических и дипломатических, но отнюдь не военных, возможностей (кроме военно-технической кооперации), то в реалиях постбиполярного миропорядка данная ситуация качественно изменилась. Окончание противостояния в рамках холодной войны позволило ФРГ перенаправить часть военных ресурсов с обеспечения территориальной обороны на решение проблем безопасности вне зоны ответственности Североатлантического альянса (НАТО). Иными словами, изменился характер внешней политики объединившейся Германии в пользу практически сугубо наступательной. Это выразилось в увеличении объемов и расширении географического диапазона применения бундесвера (в подавляющем большинстве случаев в небоевых формах)

за пределами Евроатлантического сообщества [Baikonyi, Jakobeit 2007; Von Bredow 2006, 2015, 2017; Deutsche Aussenpolitik... 2017; Gareis 2006; The Handbook of Global Security... 2014; Von Krause 2012; Meiers 2016].

Также следует отметить рост значимости ближневосточного направления в деятельности и планировании Германии в сфере обеспечения безопасности и обороны. С одной стороны, это обусловлено тем, что без упрочения и тем более удержания весомых военно-политических позиций в этом крайне значимом, в том числе с геополитической и геоэкономической точек зрения, регионе ФРГ будет крайне проблематично утвердиться в роли влиятельного глобального игрока. С другой — угрозы нестабильности, исходящие с Ближнего Востока — прежде всего, зоны сирийско-иракского конфликта¹, — уже поставили ФРГ

¹ Общим знаменателем, оказывающим параллельное дестабилизирующее воздействие на ситуацию как в Сирии, так и в Ираке на временном отрезке 2013—2014 гг. является деятельность запрещенной в РФ группировки «Исламское государство». С этой точки зрения, представляется возможным объединить развитие ситуации в Сирии и Ираке в рамках единого конфликта с точки зрения борьбы с международным терроризмом.

в 2015—2016 гг. в стратегическом плане в оборонительное положение.

Неконтролируемое перемещение масс беженцев в страны — участницы ЕС, помноженное на волну терактов на их территории, что вызвано укреплением позиций «Исламского государства» (ИГ, ИГИЛ, ДАИШ)² и других террористических группировок в Сирии и Ираке, по сути, впервые столь явно поставили ФРГ из положения субъекта, стремящегося бороться с угрозами нестабильности на дальних рубежах, в объект для их проецирования. Этот возврат к оборонительной стратегии на одном из важнейших направлений отразился на положении масс рядовых граждан Германии, ускорив процесс снижения электоральной поддержки партий — «китов» ФРГ — социал-демократов (СДПГ) и христианских демократов (блок ХДС/ХСС), что продемонстрировали итоги выборов в Бундестаг (24 сентября 2017 г.). Впервые в германском парламенте оказались крайне правые («Альтернатива для Германии»)³ и наблюдался симптоматичный полугодовой (!) кризис с формированием нового коалиционного правительства.

Совокупность указанных факторов обуславливает резкое возрастание интереса истеблишмента ФРГ к прочному ее встраиванию в качестве значимого внешнего игрока в региональную подсистему Ближнего Востока. В этой связи исключительное значение приобретает поиск государств-партнеров и тем более полноценных союзников из числа региональных игроков. Для большинства стран «коллективного» Запада, в том числе ФРГ, традиционно — со времени холодной войны — большое значение имели связи с монархиями Аравийского п-ова (прежде всего, Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) и Королевством Саудовская Аравия) и Израилем.

С одной стороны, в XXI в. потенциально значимость этих направлений кооперации для ФРГ должна еще более увеличиться. С другой — нельзя не учитывать растущей изменчивой динамики, т.е. увеличения частотности и, главное, амплитуды колебаний двусторонних отношений Германии с данными странами в военно-политической об-

ласти. Прежде всего, это обусловлено наличием «фактора Ирана» — растущие амбиции Исламской Республики Иран на региональное лидерство, опирающиеся на увеличение ресурсных возможностей, все более воспринимаются в качестве угрозы, требующей жесткого противодействия как со стороны ОАЭ и КСА, так и Израиля.

Несмотря на наличие существенных расхождений с официальным Тегераном по региональной повестке дня (прежде всего по сирийскому вопросу) [Leemhuis 2018: 1—4], ФРГ демонстрирует незаинтересованность в дальнейшей эскалации военно-политической напряженности вокруг Ирана и тем более развязывании в отношении него полномасштабной войны [см.: Lohmann, Meier, Zamirirad 2017]. Так, на фоне растущего давления на ИРИ, особенно усилившегося после одностороннего решения администрации президента США Д. Трампа от 8 мая 2018 г. о выходе из «ядерной сделки» (Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), 2015 г.) с официальным Тегераном, ФРГ прилагает активные усилия для ее сохранения. Помимо регулярных профильных встреч представителей ЕЗ («евротройки» в составе Германии, Франции, Великобритании) с иранской стороной и публикаций в поддержку СВПД⁴ примечателен визит министра иностранных дел Х. Мааса в Тегеран 10 июня 2019 г.⁵ По итогам встречи со своим иранским коллегой глава МИД ФРГ подчеркнул, что германская сторона прилагает и будет прилагать максимум усилий для снижения санкционного давления на ИРИ⁶.

Показательно в этой связи и приглашение по инициативе официального Парижа — одного из ближайших союзников ФРГ в ЕС и НАТО, а также по ЕЗ — на саммит G7, проходивший во Франции 24—26 августа 2019 г., представителя Ирана. Причем для переговоров с лидерами стран «большой семерки» прибыл даже не глава государства, а министр иностранных дел Исламской

⁴ См.: E3 statement on the Joint Comprehensive Plan of Action: 14 July // Auswärtiges Amt. 14.07.2019. URL: <https://teheran.diplo.de/ir-de/aktuelles/-/2233350> (accessed: 16.08.2019).

⁵ См.: Maas im Iran. “Wir bemühen uns nach Kräften“ // Tagesschau. 10.06.2019. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/maas-iran-117.html> (accessed: 16.08.2019).

⁶ Ibid.

² Организация запрещена в РФ.

³ Ergebnisse der Bundestagswahlen. 2019 // Wahlrecht. URL: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm> (accessed: 16.08.2019).

Республики Иран. На данном фоне Германия выдвинула ряд инициатив в области деэскалации напряженности вдоль границ ИРИ (возможное развертывание мониторинговой военно-морской миссии ЕЗ/ЕС в акватории Персидского залива⁷, участие гражданских специалистов в миссии ООН по соблюдению режима прекращения огня в районе г. Ходейда в южной части зоны вооруженного конфликта в Йемене⁸).

Соответственно, иранский фактор не может не оказывать существенного влияния на отношения ФРГ с монархиями Аравийского п-ова, даже несмотря на имеющийся богатый «багаж» сотрудничества, особенно в сфере поставок германских вооружений и военной техники.

Задача данной статьи — исследовать проблемы, «точки роста» и перспективы развития отношений Германии и Саудовской Аравии в военно-политической области. Выбор для изучения КСА из числа монархий Аравийского п-ова обусловлен не только ее большими количественными характеристиками по сравнению с соседями (в том числе ОАЭ), но и неоднократно принимаемой ролью «авангарда» в процессе давления на ИРИ на различных направлениях. Основной временной промежуток для изучения — 2010-е гг.

В работах западных, прежде всего германских, исследователей прослеживается растущий интерес к особенностям диалога ФРГ и КСА на современном этапе — в первую очередь, сквозь призму вооруженного конфликта в Йемене, рассматриваемого в качестве прокси-войны между Саудовской Аравией и Исламской Республикой Иран [Steinberg 2017; Transfeld 2017]. Кроме того, исследуются особенности внутривосточного развития Саудовской Аравии на современном этапе [Roll 2019; Steinberg 2018]. Обладая практической значимостью, эти публикации имеют один общий недостаток — сегментарный характер освещения темы, не позволяющий говорить о наличии целостной «картинки» двусторонних

отношений применительно к военно-политической плоскости. Данный недостаток, притом в существенно большей степени, присущ и отечественным исследованиям. Соответственно, настоящая публикация направлена на восполнение данного пробела в исследованиях «узких» страновых аспектов внешней политики ФРГ.

Основным методом исследования избран ивент-анализ, то есть исследование содержания, значения и последствий реализации наиболее чувствительных шагов политико-дипломатического и военного (в т.ч. военно-экономического) характера.

На пути к продвинутому стратегическому партнерству: германо-саудовские отношения в начале 2010-х гг.

Крайне выгодное геополитическое (и геоэкономическое) положение Саудовской Аравии обуславливало интерес ФРГ к обретению ее поддержки — политической, а в ряде случаев и логистической — для обеспечения оперативного тыла при проведении ряда операций с участием бундесвера. Прежде всего, это относилось к усилиям Германии по стабилизации обстановки в Сомали (миротворческой операции UNOSOM II в 1992—1994 гг., военно-тренировочной миссии ЕС EUTM Somalia в 2010—2018 гг. и хронологически параллельной EUCAP Nestor для переподготовки сил охраны побережья). В этой же связи значимыми военно-морскими векторами использования бундесвера являлись операции Enduring Freedom (компонента в Аденском заливе и Красном море в 2002—2010 гг., под эгидой I западной антитеррористической коалиции) и Atalanta по борьбе с пиратством у берегов Сомали (с 2008 г., под эгидой ЕС) [Weber 2017]. Косвенным подтверждением тому является схема расположения дипломатических учреждений ФРГ на территории Саудовской Аравии: посольство в Эр-Рияде дополняется наличием генерального консульства в г. Джидда — стратегически значимом порту на побережье Красного моря⁹.

⁷ См.: “Chancen für die Diplomatie offen halten”. Außenminister Heiko Maas sagte gegenüber der Fun-ke-Medien-gruppe zur Lage am Persischen Golf // Auswärtiges Amt. 27.07.2019. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-funke/2235780> (accessed: 16.08.2019).

⁸ См.: Deutsche UN-Beobachter im Jemen // Tagesschau. 09.04.2019. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/jemen-unmha-deutschland-101.html> (accessed: 16.08.2019).

⁹ См.: Deutsche Vertretungen in Königreich Saudi Arabien. 2019 // Auswärtiges Amt. URL: <https://saudi-arabien.diplo.de/ksa-de> (accessed: 16.08.2019).

При этом степень заинтересованности КСА в ФРГ была несоизмеримо большей, чем Германии в Саудовской Аравии. Показатель тому — три совершенных канцлером А. Меркель визита в Саудовскую Аравию во второй половине 2000—2010-х гг. (2007; 2010; 2017) по приглашению ее властей при одновременном отсутствии официальных поездок властей КСА в Германию, несмотря на настоятельно демонстрируемое желание официального Эр-Рияда.

Чем определяется столь повышенный саудовский интерес к Германии?

Во-первых, учитывая, что ФРГ — «восходящая держава» (притом де-факто единственная среди стран — участниц «коллективного» Запада), ее поддержка ценна для Саудовской Аравии для реализации своих амбиций на региональное лидерство — в том числе в имиджевом плане.

Во-вторых, это фактор наличия у Германии мощного промышленного потенциала (особенно на фоне наблюдаемой до второй половины 2010-х гг. в большинстве стран Евроатлантического сообщества деиндустриализации). Это делает привлекательным экономическое и прежде всего военно-техническое сотрудничество с Германией — военная продукция фирм ФРГ являлась одной из осевых составляющих процесса модернизации армии КСА. С учетом спорного уровня боеспособности ее личного состава (преимущественно укомплектованного наемниками) в условиях реальных боевых действий именно укомплектованию вооруженных сил современными и сверхсовременными вооружениями и военной техникой (ВиВТ) традиционно отводится исключительное внимание со стороны саудовского руководства (см. табл. 1).

Как следует из табл. 1, с 2008 г. на протяжении десятилетия ФРГ превратилась в модернизатора парка ВиВТ королевских войск — прежде всего, наземных, а также сил охраны побережья. В свою очередь, Саудовская Аравия прочно утвердилась в числе 20 наиболее значимых государств — импортеров военной продукции германских фирм. Показательно, что резкое увеличение объемов торговли ВиВТ наблюдается после первого визита А. Меркель в Саудовскую Аравию (2007), иллюстрируя возникавшее стратегическое партнерство. Его развитие еще более ускорилось в результате второго визита А. Мер-

кель (2010)¹⁰ и, что не менее важно, начавшегося «Арабского пробуждения». Оно придало мощный импульс как военно-техническому, так и политико-дипломатическому трекам кооперации сторон. Это объяснялось возрастающим вниманием обеих сторон к вооруженным конфликтам, вновь возникавшим на Ближнем Востоке — прежде всего сирийскому и йеменскому. При этом если официальный Берлин в целом придерживался оборонительно-наступательной тактики к их урегулированию, проявляя сдержанность в вопросах использования собственно военного инструментария, то КСА, напротив, наступательно-оборонительной — особенно в случае Йемена.

Для «сирийского вопроса» общим знаменателем линий Германии и Саудовской Аравии являлось неприятие действующих властей САР (и персонально президента Б. Асада) и поддержка оппозиции, с политической точки зрения достаточно фрагментированной. Обе страны вошли в состав «Группы друзей Сирии» (ГДС), «ядром» которой являлись наиболее крупные и влиятельные страны — участницы НАТО (включая Турцию) и монархии Аравийского п-ова. Так, в мае 2014 г. государства — члены ГДС заранее признали нелегитимными результаты назначенных на 3 июня выборов президента САР, де-факто призвав к их бойкоту¹¹.

На йеменском направлении Саудовская Аравия, с одной стороны, усиливала непосредственную охрану своих границ — как сухопутных, преимущественно в пустынной местности (в частности, именно эта статья расходов была основной в рекордном (более 1,2 млрд. евро) импорте германской продукции в 2012 г.), так и морских. Так, объектом постоянного интереса официального Эр-Рияда при закупках ВиВТ у ФРГ являлись катера. С другой стороны, с 2015 г. саудовские войска совместно с вооруженными силами части государств — партнеров по Совету сотрудничества

¹⁰ См.: Saudi-Arabien: Beziehungen mit Deutschland // Auswärtiges Amt. 08.01.2019. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/aussenpolitik/laender/saudi-arabien-node/deutschland-und-saudi-arabien--bilaterale-beziehungen/202304> (accessed: 16.08.2019).

¹¹ См.: «Друзья Сирии» призвали не признавать предстоящие выборы в Сирии // РИА Новости. 15.05.2014. URL: <https://ria.ru/20140515/1007930391.html> (дата обращения: 16.08.2019).

Таблица 1

Экспорт военной продукции ФРГ в КСА

Год	Объем экспорта (евро)	Наиболее значимые составляющие	Место КСА в топ-20 государств — импортеров продукции ФРГ
2006	56,9 млн	Части для боевых самолетов, средства связи и навигации, стрелковое оружие	—
2007	45,5 млн	Стрелковое оружие	—
2008	170,4 млн	Стрелковое оружие, автоматические пушки, запчасти для танков	8-е
2009	168,0 млн	Радары для морских судов, части для боевых самолетов, средства связи и навигации, стрелковое оружие	6-е
2010	262,5 млн	Средства связи и навигации, запчасти для катеров, в том числе патрульных, боевых и транспортных самолетов	10-е
2011	139,6 млн	Части для самолетов, тренажеры, средства для прокладки коммуникаций	12-е
2012	1 237,3 млн	Оборудование для организации охраны границы, артиллерия и средства ее наведения, радары, БТР	1-е
2013	361,0 млн	БПЛА, транспортные и заправочные самолеты, бронированные медицинские машины, запчасти для грузовиков и танков	4-е
2014	209,0 млн	Оборудование для прокладки коммуникаций, запчасти для фрегатов	6-е
2015	270,0 млн	Грузовики, БТР, запчасти для танков	7-е
2016	529,7 млн	Вертолеты, транспортные и заправочные самолеты	3-е
2017	254,5 млн	Патрульные катера, минные охотники, запчасти для патрульных катеров, БТР и грузовиков	6-е
2018	416,4 млн	Радары для наведения артиллерии, патрульные катера	4-е

Table 1

Germany's military products export to KSA

Year	The volume of military export, euro	The key elements	The place of Saudi Arabia in top-20 of German military production importers
2006	56.9 bln	Details for combat aircrafts, instruments of communications and navigation, small arms	—
2007	45.5 bln	Small arms	—
2008	170.4 bln	Small arms, automatic guns, details for combat tanks	8th place
2009	168.0 bln	Sea radars, details for combat aircrafts, instruments of communications and navigation, small arms	6th place
2010	262.5 bln	Instruments of communications and navigation, details for cutters (including patrol ones), details for combat and transport aircrafts	10th place
2011	139.6 bln	Details for aircrafts, trainers, communications organizing instruments	12th place
2012	1 237.3 bln	Equipment for borders guarding, artillery, instruments of navigation, radars, armoured troop-carriers	1st place
2013	361.0 bln	Drones, transport and tank aircrafts, armoured medical cars, details for military trucks and combat tanks	4th place
2014	209.0 bln	Communications organizing instruments, details for frigates	6th place
2015	270.0 bln	Military trucks, armoured troop-carriers, details for combat tanks	7th place
2016	529.7 bln	Helicopters, transport and tank aircrafts	3rd place
2017	254.5 bln	Patrol cutters, mine hunters, details for patrol cutters, armoured troop-carriers, trucks	6th place
2018	416.4 bln	Radars for artillery, patrol cutters	4th place

Источник / Source: составлено автором по: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2006 (Rüstungsexportbericht 2006). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2007. S. 138; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2007 (Rüstungsexportbericht 2007). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2008. S. 121; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2008 (Rüstungsexportbericht 2008). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2009. S. 21, 120; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2009 (Rüstungsexportbericht 2009). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2010. S. 24, 127; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2010 (Rüstungsexportbericht 2010). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2011. S. 22, 129; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2011 (Rüstungsexportbericht 2011). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2012. S. 78, 108; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2012 (Rüstungsexportbericht 2012). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2013. S. 76, 107; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2013 (Rüstungsexportbericht 2013). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2014. S. 82, 110, 111; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2014 (Rüstungsexportbericht 2014). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2015. S. 67, 112; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015 (Rüstungsexportbericht 2015). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2016. S. 82, 108; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2016 (Rüstungsexportbericht 2016). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2017. S. 17, 101; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017 (Rüstungsexportbericht 2017). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. S. 74, 100.

арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) начали интервенцию в зону вооруженного конфликта в Йемене. Коалиция начала боевые действия против формирований хуситов (шиитов, неофициально поддерживаемых Ираном), декларируя поддержку свергнутому и эмигрировавшему в КСА президенту Йемена А.Р.М. Хади. Соответственно, активные закупки наступательных вооружений (главным образом танков, вертолетов и запчастей к ним), артиллерийских систем и различных боеприпасов были направлены прежде всего на наращивание возможностей саудовской группировки в Йемене, в том числе восполнение существенных потерь в технике и вооружении, которые несли королевские части.

Интересно, что в контексте подготовки и начала действий коалиции вновь начались дебаты о создании панарабских военных структур (прежде всего общих группировок войск, в том числе сил быстрого реагирования). С инициативой создания таковых (с первоначальной численностью в 40 тыс. военнослужащих) выступил египетский президент А.Ф. ас-Сиси. Ему оппонировали власти Саудовской Аравии, настаивавшие на создании коалиций *ad hoc* и сохранении максимальной самостоятельности сторон в решении сколько-нибудь значимых военных вопросов [Noll, Roll 2015: 1]. Насколько выдвижение и тем более реализация данных панарабских проектов в области строительства вооруженных сил отвечали интересам ФРГ? Это было бы невыгодно официальному Берлину как минимум в двух отношениях. Во-первых, развитие кооперации неизбежно охватит военно-техническую сферу, означая обмен технологиями, закупленными у третьих стран, в том числе ФРГ. Соответственно, это несет угрозу потенциального снижения как объемов военного экспорта [Noll, Roll 2015: 4], так и в целом заинтересованности в Германии как партнере в военно-политической сфере. Во-вторых, для официального Берлина влиять, особенно в чувствительных вопросах (в частности, прекращении интервенции в Йемене), на панарабскую позицию станет значительно сложнее, чем договариваться с небольшими группами государств (например, ССАГПЗ) и тем более отдельными странами Ближнего Востока. Таким образом, именно саудовская

позиция отвечала интересам ФРГ, что, безусловно, оказывало благоприятное влияние на двусторонние отношения в середине 2010-х гг.

На первых стадиях (2015—2016 гг.) военного вмешательства коалиции части стран — участниц ССАГПЗ во главе с КСА и ОАЭ в ситуацию в Йемене германская сторона отнеслась к этим действиям достаточно сдержанно. Лишь с 2017 г. германские аналитики из ведущих «мозговых трестов» (Фонд науки и политики, Федеральная академия политики в области безопасности) стали подчеркивать опасность вооруженного конфликта в Йемене не только для региональной, но и международной безопасности. Подчеркивалось, что йеменский вектор становится одним из ключевых в контексте нарастающей холодной войны между КСА и ИРИ [Steinberg 2017: 1, Transfeld 2017: 1—2]. Чем это обусловлено? Первоочередной причиной, по мнению автора, являлось то, что сирийско-иракский вооруженный конфликт, из зоны которого именно в середине 2010-х гг. проецировались мощные угрозы безопасности на территорию ФРГ, оттенял «йеменскую проблему». В декабре 2015 г. Германия в собственно военном отношении присоединилась (впрочем, продолжив избегать собственно боевого использования бундесвера) к деятельности II западной антитеррористической коалиции, созданной еще годом ранее по инициативе США, для борьбы с ИГ и дружественными ему силами в Сирии и Ираке. При этом, особенно в случае сирийского театра военных действий (ТВД), официальный Берлин не мог не обращать растущего внимания на весьма эффективные параллельные военные шаги правительства САР — РФ — ИРИ по борьбе с международным терроризмом [Asseburg, Kaim 2018: 1—2]. Именно их усилия привели к постепенному ослаблению и отступлению ИГ сначала в Сирии, а затем и в Ираке (тесно связанном географически) — ключевом направлении деятельности II западной антитеррористической коалиции. Лишь к 2017—2018 гг. был достигнут перелом в борьбе с ИГ (что отнюдь не означало его полного разгрома) и существенно сократились неконтролируемые потоки беженцев из зоны сирийско-иракского конфликта. Однако временно возник новый, уже внутривосточный, огра-

ничитель активности официального Берлина на йеменском направлении — это уже отмеченные сложности с формированием нового правительства.

Германо-саудовские отношения: нарастание зигзагообразности в 2016—2017 гг.

Несмотря на желательность для ФРГ развития кооперации с КСА по Сирии и в целом ближневосточной тематике и бесспорную выгоду экспорта больших объемов германских ВиВТ, с начала 2016 г. в двусторонних отношениях стала возрастать частотность спадов. Наиболее значимой причиной этого следует признать заключение 14 июля 2015 г. СВПД между «иранской шестеркой» (5 постоянных членов Совета Безопасности ООН, являющихся ядерными державами и ФРГ) и официальным Тегераном и его успешную имплементацию. На практике это означало переход ИРИ в разряд партнеров Германии, практическая ценность кооперации с которым также стала возрастать. Соответственно, в ответ на казнь в январе 2016 г. на территории КСА 47 шиитских проповедников по приказу властей страны федеральное правительство, справедливо рассматривая это как жесткую меру антииранской направленности, ввело полугодичное эмбарго на экспорт ВиВТ в Саудовскую Аравию. Данный запрет не был продлен — более того, резкий рост военных поставок во втором полугодии 2016 г. перекрыл их отсутствие в первом (см. табл. 1).

Уже в апреле 2016 г. состоялся визит в Саудовскую Аравию тогдашнего главы МИД ФРГ Ф.-В. Штайнмайера. Официально ключевой темой переговоров стало обсуждение планов глубоких социально-экономических реформ, детально изложенных наследным принцем Мухаммедом бин Сальманом¹². Официальный Берлин весьма положительно отнесся к самому факту их инициирования, рассматривая проведение реформ как предпосылку для будущего углубления партнерства (подробнее см.: [Roll 2019]). Примечателен факт не просто одобрения, но приглашения вла-

стями КСА германского руководства к обсуждению внутренних проблем в королевстве — это свидетельство особой заинтересованности официального Эр-Рияда в развитии двустороннего сотрудничества. В свою очередь, германская сторона сделала важный шаг навстречу пожеланиям руководства КСА — в июле 2016 г. послом ФРГ в Саудовской Аравии был назначен Д. Халлер, уже занимавший данный пост в 2011—2014 гг.(!)¹³. Это явление было крайне редким, если не сказать исключительным, в дипломатической практике Федеративной Республики. При этом в ходе апрельского визита 2016 г. в неофициальном порядке Ф.-В. Штайнмайер предостерег саудовскую сторону от новых провокационных шагов на иранском направлении, подчеркивая приверженность ФРГ развитию дружественных отношений с ИРИ. Тем самым официальный Берлин стал реализовывать тактику «балансирования» между КСА и ИРИ.

Вновь назначенный посол Д. Халлер, известный своими саудофильскими настроениями, прилагал активные усилия для организации нового, уже третьего по счету, визита канцлера ФРГ А. Меркель в КСА. Он состоялся 30 апреля 2017 г. в рамках турне главы федерального правительства по монархиям Аравийского п-ова. Состав германской делегации был представительным: канцлера сопровождала группа министров, включая глав военного и внешнеполитического ведомств. Сам факт этого визита, к проведению которого саудовское руководство проявляло исключительный интерес, свидетельствовал об очередной фазе подъема в двусторонних отношениях. Главы оборонных ведомств договорились об обучении и переподготовке солдат и офицеров королевских вооруженных сил на территории ФРГ¹⁴. На этом фоне достаточно динамично развивалось военно-техническое сотрудничество сторон (см. табл. 1). В то же время

¹³ См.: Deutsche Lobbyisten werben für die Saudis // FAZ. 25.11.2018. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/unternehmen/ex-botschafter-involviert-lobbyisten-werben-fuer-saudis-15908457.html> (accessed: 16.08.2019).

¹⁴ См.: Angela Merkel in Saudi-Arabien: Bundeswehr soll saudisches Militär ausbilden // Tagesspiegel. 30.04.2017. URL: <https://m.tagesspiegel.de/politik/angela-merkel-in-saudi-arabien-bundeswehr-soll-saudisches-militaer-ausbilden/19738430.html> (accessed: 16.08.2019).

¹² См.: Steinmeier würdigt Reformen in Saudi-Arabien // Die Welt. 01.05.2016. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article154909854/Steinmeier-wuerdigt-Reformen-in-Saudi-Arabien.html> (accessed: 16.08.2019).

отчетливо видны его «раздражители». А. Меркель заявила о неприемлемости использования ВиВТ, закупленных Саудовской Аравией у Германии, в зоне йеменского вооруженного конфликта¹⁵. На данном примере видно, что официальный Берлин отстаивал свое право контроля над конечным использованием военной продукции летального назначения. Правовой основой для этого выступало положение «мира и только мира», должного исходить с германской земли в соответствии с договором об окончательном урегулировании в отношении Германии (от 12 сентября 1990 г.)¹⁶. Формально официальный Эр-Рияд демонстрировал внимание к риторике канцлера А. Меркель, нуждаясь в германских ВиВТ в том числе для восполнения потерь в зоне йеменского вооруженного конфликта. Однако на деле саудовская сторона не собиралась сокращать объемы и тем более свертывать сам факт своего военного участия в интервенции на территории Йемена.

Тем самым официальный Берлин стремился не допустить эскалации напряженности в отношениях КСА и ИРИ, т.е. перерастания их противостояния из «холодной войны» в «горячую». Повышению вероятности реализации этого сценария весьма способствовало разрастание объемов прокси-войны в Йемене. В то же время официальный Берлин не пошел на реализацию практических мер давления на КСА. Почему? Одна из фундаментальных причин тому — казавшаяся успешной по состоянию на апрель 2017 г. имплементация иранской «ядерной сделки». По всей видимости, она рассматривалась официальным Берлином как возможность для параллельного сбалансированного развития отношений и с Ираном, и с Саудовской Аравией.

Однако уже с июня 2017 г. германо-саудовские отношения вступили в фазу спада. 5 июня 2017 г. группа арабских государств во главе с КСА, ОАЭ и Египтом разорвала дипломатиче-

ские отношения с Катаром, обвинив его в связях с международным терроризмом. Германские аналитики выделяли три сценария развития дипломатического кризиса: смена режима в Катаре (силовая, т.е. развязывание боевых действий), урегулирование, т.е. восстановление отношений в целом в той системе координат, которая существовала до кризиса, а также «холодная война» между Катаром и остальными монархиями Аравийского п-ова [Sailer, Roll 2017: 2—4]. ФРГ, равно как и ее государства-партнеры по «коллективному» Западу, стала прилагать активные усилия по урегулированию дипломатического кризиса, подчеркнув неприятие его перерастания в силовую фазу [Sailer, Roll 2017: 2]. Уже в июле 2017 г. новый глава МИД ФРГ З. Габриель совершил турне по монархиям Аравийского п-ова, демонстративно посетив Катар. Уже в сентябре 2017 г. в Германию для проведения переговоров прибыл эмир Катара шейх Т. бин Х. аль Тани — это был уже его второй визит в ФРГ (первый состоялся в 2014 г.)¹⁷. Тем самым, с одной стороны, Германия внесла весомый вклад в недопущение возникновения очага вооруженного насилия на Аравийском п-ове. С другой — официальный Берлин де-факто противодействовал устремлениям Саудовской Аравии, не допустив перехода ее давления в силовую фазу и тем самым продемонстрировав «красную линию», далее которой ФРГ не была готова поддерживать КСА.

Следующим «раздражителем» двусторонних отношений стало убийство саудовского оппозиционного журналиста Дж. Хашогги на территории Генерального консульства КСА в Стамбуле 2 октября 2018 г., то есть на территории страны — участницы НАТО (!). Германия достаточно жестко отреагировала на данный инцидент, вновь актуализировав находившуюся в значительной степени в тени тему соблюдения прав человека в КСА и за ее пределами. Сразу по завершении расследования, 21 октября 2018 г., последовало официальное осуждение действий Саудовской Аравии со стороны главы МИД ФРГ Х. Мааса совместно с его коллегами из Франции и Великобритании. Символично, что Германия действовала в фор-

¹⁵ См.: Angela Merkel in Saudi-Arabien: Bundeswehr soll saudisches Militär ausbilden // Tagesspiegel. 30.04.2017. URL: <https://m.tagesspiegel.de/politik/angela-merkel-in-saudi-arabien-bundeswehr-soll-saudisches-militaer-ausbilden/19738430.html> (accessed: 16.08.2019).

¹⁶ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. М.: Международные отношения, 1994. С. 34—37.

¹⁷ См.: Katar: Beziehungen zu Deutschland // Auswärtiges Amt. 11.02.2019. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/aussenpolitik/laender/katar-node/-/202286> (accessed: 16.08.2019).

мате ЕЗ, т.е. основного переговорного формата, используемого официальным Берлином для сохранения СВПД. Тем самым в Эр-Рияд посылался недвусмысленный сигнал о готовности ослабить партнерские связи с Саудовской Аравией в случае сохранения ею линии на продолжение шагов провокационной направленности.

Траектория резкого спада в отношениях ФРГ и КСА

«Спусковым крючком» ужесточения ответной реакции Германии на меры, осуществляемые официальным Эр-Риядом, стало одностороннее решение администрации Д. Трампа о выходе из СВПД (8 мая 2018 г.), «развязывавшее руки» оппонентам Ирана, в том числе КСА, в наращивании на него военно-политического давления. Соответственно, военные действия коалиции в Йемене были активизированы. Действия коалиции во многом перечеркивали усилия ООН (в том числе германский вклад) по урегулированию ситуации в зоне вооруженного конфликта в Йемене, усугубляя гуманитарную катастрофу и содействуя росту потоков беженцев [Asseburg, Lacher, Transfeld 2018: 44—57]. В ответ на военную активность КСА в Йемене в сентябре 2018 г. федеральное правительство ввело временное — длительностью на полгода — эмбарго на поставки ВиВТ в Саудовскую Аравию, продлив его еще на полгода в начале апреля 2019 г.¹⁸

В плане свертывания военно-технического сотрудничества с Саудовской Аравией, что сопровождалось спадом не только в торговле в целом, но и политическом взаимодействии, Германия заняла существенно более жесткую позицию, чем Франция или Соединенные Штаты Америки¹⁹.

Тактика ФРГ позволяла «высветить» подход ФРГ к экспорту ВиВТ в Саудовскую Аравию, принимая во внимание факторы существенной финансовой прибыли и политических преимуществ и издержек. Германия была готова участ-

ствовать в наращивании военного потенциала КСА в принципе при условии неучастия Королевства в наступательно-интервенционистских действиях, т.е. для укрепления обороноспособности как самоцели. При нарушении этого правила, особенно в случае угрозы начала прямого конфликта с Ираном, Германия сначала де-юре (на декларативном уровне), а затем и де-факто сокращала, а затем и прекращала поставки ВиВТ в Саудовскую Аравию с пролонгацией/отказом от таковой каждые полгода.

Еще одним значимым, и, что важно, «долгоиграющим» элементом влияния ФРГ на власти Саудовской Аравии стало игнорирование их настоятельных пожеланий об организации визита наследного Мухаммеда бин Сальмана в Германию и особенно его переговоров с федеральными президентом и канцлером. Ключевой фигурой среди лоббистов саудовских интересов в ФРГ стал вышедший в отставку (2018 г.) посол Д. Халлер²⁰.

Шаги официального Берлина свидетельствовали о деградации германо-саудовских отношений и их отхода от уровня стратегического партнерства.

Заключение

В германо-саудовских отношениях в 2010-е гг. прослеживается неуклонный рост частоты падений, увеличения их продолжительности и глубины, что, прежде всего, связано с переходом значительной части имеющихся и вновь возникающих проблем из латентного состояния в открытое. На примере КСА прослеживается политическая детерминированность развития двусторонней военно-технической кооперации (и тем более сотрудничества) со стороны ФРГ.

Фактор Ирана к началу 2020-х гг. стал наиболее значимым при определении настоящего и будущего германо-саудовских отношений. Соответственно, в зависимости от развития ситуации вокруг ИРИ автору видятся возможными три основных сценария развития диалога ФРГ и КСА.

¹⁸ Deutschland verlängert Waffenembargo gegen Saudi-Arabien // Human Rights Watch. 12.04.2019. URL: <https://www.hrw.org/de/news/2019/04/12/deutschland-verlaengert-waffenembargo-gegen-saudi-arabien> (accessed: 12.07.2019).

¹⁹ Ibid.

²⁰ Deutsche Lobbyisten werben für die Saudis // FAZ. 25.11.2018. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/unternehmen/ex-botschafter-involviert-lobbyisten-werben-fuer-saudis-15908457.html> (accessed: 16.08.2019).

При сохранении имеющегося объема вклада Саудовской Аравии в конфронтацию с иранской стороной на уровне, близком к современному, возможно определенное улучшение рассматриваемых двусторонних отношений. Скорее всего, официальный Берлин пойдет на «разморозку» (возможно, с несколькими моментами приостановки) военно-технического сотрудничества, но при этом будет избегать форсирования встреч на высшем уровне.

Потенциальная «разрядка» напряженности вокруг ИРИ обусловит готовность с германской стороны к восстановлению двусторонних отношений в полном или практически таком же объеме, включая продвинутое военно-техническое сотрудничество и проведение встреч на высшем уровне. Однако открытым, с учетом отказа руководства КСА от стратегических целей, останется вопрос о степени заинтересованности его самого в этих контактах.

В случае начала подготовки и тем более проведения полномасштабной войны между коалицией с участием КСА против ИРИ Германия как минимум де-юре ужесточит свою позицию по отношению к официальному Эр-Рияду. При этом следует отметить, что с учетом уже введенных ограничений потенциал для создания новых со стороны Германии достаточно ограничен. Вариант поддержки (даже условной) действий коалиции со стороны ФРГ в реалиях 2019 г. исключен. Военный конфликт, даже если он закончится ничьей (и тем более победой одной из сторон), создаст колоссальные угрозы для ФРГ — как в смысле сохранения ее позиций на Ближнем Востоке в целом, так и ее собственной безопасности. Поэтому от германской дипломатии следует ожидать гиперактивности, включая выдвижение неожиданных инициатив, по купированию и скорейшему урегулированию начинающегося конфликта.

Поступила в редакцию / Received: 08.09.2019
Принята к публикации / Accepted: 16.11.2019

References / Библиографический список

- Asseburg, M. & Kaim, M. (2018). Ein deutscher Militäreinsatz in Syrien Politische Ziele, Umsetzbarkeit, rechtliche Voraussetzungen, Effekte. *SWP-Aktuell*, 54. (In German).
- Asseburg, M., Lacher, W. & Transfeld, M. (2018). *Mission Impossible?* Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, German Institute for International and Security Affairs.
- Baikonyi, J. & Jakobeit, C. (2007). Internationale Kriminalität / internationaler Terrorismus. In: Schmidt, S., Hellmann, G. & Wolf, R. (Eds.). *Handbuch zur deutschen Aussenpolitik*. Wiesbaden: Verlag fuer Sozialwissenschaften. S. 660—671. (In German).
- Gareis, S. (2006). *Handbuch Militaer und Sozialwissenschaften*. Opladen: Verlag Barbara Budrich. (In German).
- Kaldor, M. & Rangela, I. (Eds.). (2014). *The Handbook of Global Security Policy*. Sussex: Willey Blackwell.
- Leemhuis, R. (2018). Iran's Destructive Regional Policy. An Underrated Problem. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper*, 27.
- Lohmann, S., Meier, O. & Zamirirad, A. (2017). *Irans Atomprogramm: Washington und Brüssel auf Kollisionskurs Warum die EU die Atomvereinbarung retten muss*. Juli, 53. (In German).
- Meiers, Fr.-J. (2016). *Bundeswehr am Wendepunkt: Perspektiven deutscher Aussen und Sicherheitspolitik*. Opladen: Springer Verlag. (In German).
- Noll, J. & Roll, St. (2015). Vom Jemen-Krieg zur gemeinsamen Armee? *SWP-Aktuell*, 47. (In German).
- Roll, St. (2019). *Ein Staatsfonds für den Prinzen. Wirtschaftsreformen und Herrschaftssicherung in Saudi-Arabien*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. (In German).
- Roos, U. (Eds.). (2017). *Deutsche Aussenpolitik. Arenen, Diskurse und grundlegende Handlungsregeln*. Opladen: Springer Verlag. (In German).
- Sailer, M. & Roll, St. (2017). *Three Scenarios for the Qatar Crisis*. SWP Comments, 25.
- Steinberg, G. (2017). Saudi-Arabiens Krieg im Jemen. *SWP-Aktuell*, 51. (In German).
- Steinberg, G. (2018). Muhammad Bin Salman Al Saud an der Macht. *SWP-Aktuell*, 71. (In German).
- Transfeld, M. (2017). Kein Stellvertreterkrieg im Jemen. *SWP-Aktuell*, 13. (In German).
- Von Bredow, W. (2006). *Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschlands. Eine Einfuehrung*. Wiesbaden:Verlag fuer Sozialwissenschaften. (In German).

- Von Bredow, W. (2015). *Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militaer*. Wiesbaden: Springer Fachmedien. (In German).
Von Bredow, W. (2017). *Die Geschichte der Bundeswehr*. Berlin: Palm Verlag. (In German).
Von Krause, U. (2012). *Die Bundeswehr als Instrument deutscher Aussenpolitik*. Wiesbaden: Springer Verlag. (In German).
Weber, A. (2017). Red Sea: Connector and Divider. *SWP Comments*.

Сведения об авторе: Трунов Филипп Олегович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, старший научный сотрудник лаборатории «Институциональная история XX века» Института всеобщей истории РАН (e-mail: ltrunov@mail.ru).

About the author: Trunov Philipp Olegovich — PhD in Political Sciences, Senior Researcher, the Department of Europe and America, INION RAS; Senior Researcher, the Laboratory “Institutional History of the 21st century” (e-mail: ltrunov@mail.ru).